

Swietłana Taran

Концептуально-образная роль символично-мифологического осмысления минералогической лексики в поэзии Максимилиана Волошина

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 2, 397-401

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Swietłana Taran

Bałtycki Uniwersytet Federalny im. I. Kanta
Kaliningrad, Rosja

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ОБРАЗНАЯ РОЛЬ СИМВОЛИКО-МИФОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ МИНЕРАЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЭЗИИ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

Ключевые слова: *идиостиль, минералогическая лексика, мифологическая символика, светоцветовая символика, культурологическая семантика, концептуально-образная значимость, концепт, коннотация, архетип*

Суть лирики, как известно, заключается в «свободном самовыражении человека, для которого весь мир дан не как нечто окружающее, как преграда, но как внутреннее содержание “я”. Лирика рождается экстатическим ощущением полноты бытия, любовью к другому человеку и к мирозданию в целом, в ней выражается восторг слияния с жизнью...»¹. В построении лирического смысла воспроизводится «типический момент игры» в сфере слова – «перевоплощение»: «лицедейская» сущность тропов заключается в том, что «пере-носному значению слова соответствует перевоплощение обозначенного им предмета»².

В плане вышесказанного интерес представляет переносное использование в поэтических текстах М. Волошина минералогической лексики, основанное на мифологической, светоцветовой и самоцветной символике, которая является в идиостиле писателя «правилом» образно-смысловой игры как «лингвокреативной»³ деятельности и одновременно единственным ключом, своеобразным «кодом», позволяющим проникнуть в суть создаваемых Волошиным образов, расшифровать комплекс ассоциативных авторских смыслов.

Известно, что «без осознания степени значимости культурологического фактора в процессе создания художественного текста... нельзя получить полноценную эстетическую информацию»⁴. Реализация культурологической семантики мине-

¹ М.Н. Эпштейн, *Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX-XX веков*, Москва 1988, с. 286.

² Там же.

³ А.П. Сквородников, *О понятии и термине «языковая игра»*, „Филологические науки” 2004, № 2, с. 80.

⁴ Р.В. Алимпиева, *Этнокультурный компонент текста как средство выражения русского национального самосознания*, [в]: *Семантические единицы русского языка в диахронии и синхронии*, Калининград 2000, с. 4.

ралогических лексем, их символично-мифологическое осмысление может сопровождаться репрезентацией признаков, соотнесенных с образно значимыми в пределах поэтической картины мира концептами. Наиболее показательным в этом отношении является функционирование в волошинских поэтических текстах минералогических лексем *камень, глина, соль*.

Лексема *глина* (осадочная горная порода) как символ человеческой плоти функционирует в идиостиле Волошина в качестве средства репрезентации мифологического признака, соотнесенного с концептом «сотворение человека». Так, в стихотворении *Космос* поэт излагает историю сотворения мира и рождения человека по Каббале (книга Зогар). Ср.: «Десница подняла материки, / А левая распределила воды, / От чресл размножилась земная тварь, / От жил – растения, от кости – *камень*... / Господь дохнул на преисподний лик, / И нижний оборотень стал Адамом. / Адам был миром, / Мир же был Адам... / Он *глиной* плотствовал, растеньем рос, / *Камнями* костенел...» (II, 44)⁵; «Всё было осязаемо и близко – / Дух мыслил плоть и чувствовал объем, / Мяс *глину* перст, и разум мерил землю...» (II, 46). В библейском повествовании, на которое опирается каббалистская *Книга Величия*, «человек создается [...] из влажной земли или глины, причем глагол “сотворил” или “создал” используется тот же, которым в древнееврейском определяли деятельность гончара»⁶. «Объемля в себе весь океан творения», Божественный Образ «передает свое собственное дыхание своему отражению и вызывает его тем самым к жизни»⁷. Отсюда и мифологические представления о священном характере занятий гончара, отличие которого от Бога состоит только в невозможности вдохнуть в свое творение душу. При этом в волошинских контекстах наблюдается своеобразное отождествление гончара с Творцом и человека с гончаром, а глина, соответственно, отождествляется с плотью человека. В возникающей смысловой триаде «человек – гончар – Творец» происходит переосмысление деятельности человека как творца – вплоть до полярной характеристики двух ассоциативно соотнесенных концептов, а потому лексема *глина* становится активным репрезентатором образа человека как творца и разрушителя. Ср.: «Он (человек. – С.Т.) утверждает Бога мятежом, / Творит неверьем, строит отрицаньем, / Он – зодчий, / И его ваяло – смерть. / А *глина* – вихри собственного духа» (II, 8).

В ряде случаев концептуально-образная значимость символично-мифологического осмысления лексемы *глина* дополняется реализацией целого комплекса экспрессивных коннотаций. Ср.: «*Глина*, девством прокаленная – / Плоть, рожденная сиять, / Тварь, до Бога вознесенная, / Дискон солнца облаченная, / На серпе луны взнесенная, / Приснодевственная мать!» (II, 99); «В час последний / В тьме кромешной / Над своей землею грешной / Ты расстелешь плат – /...Чтоб не сгинул ни

⁵ Здесь и далее примеры приводятся по: М.А. Волошин, *Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899-1926*, Москва 2003; *Т. 2. Стихотворения и поэмы 1891-1931*, Москва 2004. Римской и арабской цифрами обозначены соответственно том и страница издания.

⁶ *В мире мифов и легенд*, Санкт-Петербург 1995, с. 96.

⁷ П. Холл Мэнли, *Основания каббалистической космогонии*, [в]: П. Холл Мэнли, *Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии*, Санкт-Петербург 1994, с. 426.

единый / Ком пронзенной духом глины...» (II, 100); «Вверх обрати ладони тонких рук – / К истоку дня! Стань лилией долины, / Стань стеблем ржи, дитя огня и глины!» (I, 91). Как видим, лексема *глина* в условиях макро- и микроконтекстов за счет наличия определенных образов и авторских реминисценций выявляет коннотаты «чистота», «божественность», «святость», «сакральность».

Следует отметить, что во всех вышеприведенных примерах лексема *глина*, выступая в качестве архетипа⁸ и реализуя мифологическое значение «горная порода, послужившая материалом для создания человека», актуализирует и цветовую символику: по Волошину, «красный будет обозначать глину, из которой создано тело человека – плоть, кровь, страсть»⁹, что в наибольшей степени выявляется в последнем контексте, отражающем мифологические представления многих народов (в частности, древних греков) о сотворении человека: «люди... были созданы богами в глубине земли из огня и земли» (МНМ¹⁰). Очевидные же реминисценции из *Песни песней*, где Господь говорит: «Я нарцисс Саронский, лилия долин!»¹¹, позволяют трактовать волошинское иносказание как призыв к человеку стать богом, что, в свою очередь, обуславливает лексеме *глина* положительную эмоционально-экспрессивную направленность.

Иное символично-мифологическое осмысление лексема *глина* получает во второй главе стихотворения *Космос*, где излагается концепция мира на Древнем Востоке – в Месопотамии, Египте. Ср.: «С высоких башен, сложенных людьми, / Из жирной глины тучных межиречий / Себя забывший Каин разбирал / Мерцающую клинопись созвездий... / Всё в преходящем было только знак / Из вечных тайн, начертанных на небе» (II, 45). Стихотворение имеет ярко выраженную культурологическую основу. В Средней Азии около 3 тыс. лет до н. э. получило распространение клинописное идеографическое письмо. Наибольшей известностью пользуется месопотамская клинопись – «письменность, знаки которой состоят из групп клинообразных черточек (знаки выжимались на сырой глине)» (СЭС)¹². Начало ей положили древнейшие обитатели Месопотамии (Двуречья – долины Тигра и Евфрата) – шумеры. Там же, в древнем Двуречье, возникли астрономия и астрология. Именно шумером предстает в приведенном контексте Каин, читающий астрологические и астрономические надписи на

⁸ Архетипы (от греческого *archetypoi* – первообраз, модель) – «в аналитической психологии и эстетике швейцарского психолога К.Г. Юнга – мотивы и их комбинации, ... универсальные психические схемы (фигуры), бессознательно воспроизводимые и обретающие содержание в архаическом ритуале, мифе, символе, верованиях, актах психической деятельности (сновидениях и т. п.), а также в художественном творчестве вплоть до современности. В современном литературоведении под архетипическим принято также понимать неосознанно воспринятые и трансформированные мотивы или универсально распространённые сюжеты (напр., мифы о потопе или представления о “мировом древе” и их отражение в литературе». *Литературный энциклопедический словарь*. Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева, Москва 1987.

⁹ М.А. Волошин, *Лики творчества*, Ленинград 1989, с. 292.

¹⁰ МНМ – *Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. Т. 2*, Москва 1997.

¹¹ Цит. по: В.П. Купченко, *Комментарии*, [в]: М.А. Волошин, *Собрание сочинений. Т. 1...*, с. 465.

¹² Подробнее об этом см.: В.К. Афанасьева, *Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве*, Москва 1979. СЭС – *Советский энциклопедический словарь*. Гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., Москва 1983.

«жирной» (влажной) глине. При этом лексема *глина* символизирует начало, объединившее землю, человека и Бога: Каин – земледелец, сын Адама, созданного Богом из глины или земли. Кроме того, лексема *глина* реализует дополнительную коннотацию «отражение божественных знаков», ведь, как известно, Каин, изгнанный за убийство брата, был помечен Богом как священнослужитель, жрец¹³, призванный «из *глины* разбирать мерцающую клинопись созвездий» – быть «посредником между верхом и низом» (МНМ), то есть связующим звеном между Создателем и людьми.

Минералогическая лексема *соль* в целом ряде контекстов реализует религиозно-символический признак, соотношенный с концептом «причастие». Ср.: «Он же (Иисус – С.Т.), в *соль* обмакнув кусок хлеба, / Подал Иуде...» (I, 359); «Все двенадцать вина и хлеба вкусили / Причастившись плоти и крови Христовой, / А один из них земле причастился / *Солью* и хлебом» (I, 359); «На духов воль надетая узда, / Грааль борьбы с причастьем горькой *соли*, / Голгофой душ пребудешь ты (Луна – С.Т.), доколе / Земных времен не канет череда» (I, 214); «Мы, связанные бунтом и борьбой, / С вином приемлем *соль* и с пеплом миро» (I, 214); «...Причащусь я горькой *соли* задыхающейся волны...» (I, 890); «И нет в мирах страшнее доли / Того, кто выпил боль до дна, / Кто предпочел причастье *соли* / Причастью хлеба и вина. / ...“Вы *соль* земли!” В горючей *соли* / Вся мудрость горькая земли. / *Кристаллы* тайной, темной боли / В ней белым снегом процвели» (II, 557). В приведенных примерах лексема *соль* выступает как архетип и актуализирует культурологическое значение «элемент причащения», которое подчеркивается очевидными библейскими реминисценциями. Подчеркнем, что в последнем примере семантическая реализация лексемы *соль* осложняется выявлением комплекса образно-ассоциативных коннотаций, соотношенных с представлением о жертвенности и обреченности.

В контексте стихотворения *Стенькин суд* лексема *соль* как элемент сложного слова способствует реализации культурологических и этнографических потенций, непосредственно соотношенных с глаголом *встречать*. Ср.: «Принимали нас с честью и ласкою, / Выходили хлеб-*солью* встречать, / Как в священных цепях да с опаскою / Привезли на Москву показать» (I, 277).

Иная смысловая заданность характерна для лексемы *хлебосольство*, которая в условиях нижеприводимого контекста вступает в близкие синонимические отношения с лексемой *щедлость*. Ср.: «В те дни пришел сюда посольством / Турецкий крейсер, и Совет / С широким русским *хлебосольством* / Дал политический банкет» (I, 324).

Лексема *камень* в ряде случаев репрезентирует культурологические признаки, соотношенные с концептами «осуждение», «опорочивание», «наказание» и является отправной точкой в построении тропов и развертывании авторских ассоциативных образов. Ср.: «Я быть устал среди людей, / Мне слышать стало нестерпимо / Прохожих свист и смех детей... / И я спешу, смущаясь, мимо, / Не подымая головы... / Как будто грязи едкий вкус / И *камня* подлого укус / Мне не привычны, не знакомы...» (I, 141); «Правду оплатят тебе (Поэту – С.Т.) клеветой, ругательством, *камнем*» (II, 65); «Я ль в тебя (Русь – С.Т.) посмею бросить *камень*?»

¹³ Подробнее об этом см.: *В мире мифов...*, с. 101.

(I, 258); «Пусть тебя (Русь – С.Т.) бьют, побивают *камнями*, / Хлещут бичами нечистую плоть, / Станешь бесплодной и стоптанной нивой... / Ибо любима любовью ревнивой – / Так говорю тебе Я – твой Господь!» (I, 358). В последнем примере очевидны параллели между образами России и блудной дочери Израиля. Идея кары, постигшей израильский народ за вероотступничество и идолопоклонство, переосмысливается Волошиным применительно к России времен войны и революции, когда поэт «знал только два круга чтения: газеты и библейских пророков. И последние были современнее первых. [...] Не та ли ревнивая любовь Господа проявляется и в судьбах России – поруганной, обиженной и кинутой на позор перед всеми народами?»¹⁴.

Как видим, минералогические лексемы *глина*, *соль*, *камень*, репрезентируя культурно-мифологические значения определенных концептов, приобретают в волошинских текстах статус архетипического символа и расширяют свой смысловой объем, что позволяет поэту создавать семантически насыщенные и многоплановые, концептуально значимые в его идиостиле образы.

Summary

Conceptual-image role of the symbolically-mythological comprehension of the mineralogical vocabulary in Maksimilian Voloshin's poetry

Based on Maksimilian Voloshin's poetry, the article investigates the conceptual-image meaningfulness of the symbolically-mythological comprehension of the mineralogical vocabulary, realizing culturological semantics in the author's contexts. The peculiarities of the additional connotations, revealed by these lexemes, are analyzed.

Key words: *idiostyle*, *mineralogical vocabulary*, *mythological symbolism*, *light-colour symbolism*, *culturological semantics*, *conceptual-image meaningfulness*, *concept*, *connotation*, *archetype*

¹⁴ Цит. по: В.П. Купченко, *Комментарии...*, с. 555.